

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 2

1981

Илья ФЕЙНБЕРГ

**УПУЩЕННЫЙ
ЧЕРНОВИК ПУШКИНА**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Илья ФЕЙНБЕРГ

УПУЩЕННЫЙ ЧЕРНОВИК ПУШКИНА

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Илья ФЕЙНБЕРГ

Известный советский писатель-пушкинист Илья Львович Фейнберг (1905—1979), воспитанник Московского университета, начал заниматься творчеством Пушкина еще на студенческой скамье, и эта работа составляла основной пафос, смысл и содержание его жизни на протяжении более чем полувека.

В годы Великой Отечественной войны И. Л. Фейнберг был военным корреспондентом, принимал участие в обороне Одессы и Севастополя, находясь на кораблях Черноморской эскадры, а затем в обороне Советского Заполярья. Его военные очерки и корреспонденции печатались в «Правде» и других центральных и флотских газетах. Он читал лекции о Пушкине на базах и кораблях действующего флота.

И. Л. Фейнберг был награжден орденами Красной Звезды и медалями за оборону Одессы, Севастополя и Советского Заполярья.

Перу И. Л. Фейнберга принадлежат исследования о пушкинской «Истории Петра I» и о судьбе Автобиографических записок поэта, вошедшие в его книгу «Незавершенные работы Пушкина», выдержавшую впоследствии ряд изданий. В 1963 году появилась книга «История одной рукописи» (2-е, дополненное издание ее — в 1967 г.). В 1976 году вышла книга И. Л. Фейнберга «Читая тетради Пушкина». В библиотеке «Огонек» изданы три его книжки: «Автобиографические записки Пушкина» (1958), «Последний труд Пушкина» (1962) и «Загадочный набросок Пушкина» (1978). Работы И. Фейнберга, написанные живо и увлеченно, являются ярким пример сочетания в их авторе строгого ученого и талантливое прозаика.

УПУЩЕННЫЙ ЧЕРНОВИК ПУШКИНА

(«СЛАСТОЛЮБИЦА ВОСЕМНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ»)

В числе пушкинских рукописей, собранных в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, находится Кишиневская тетрадь, переданная три четверти века назад сыном поэта Московскому Румянцевскому музею, где она и хранилась в течение многих лет под № 2365¹.

Между листами этой тетради, перенумерованными красными жандармскими чернилами тотчас после смерти поэта, когда рукописи его были опечатаны по повелению Николая I, можно заметить корешки вырванных и уничтоженных самим Пушкиным страниц. Интересующая нас тетрадь уже в 1884 году была описана лист за листом В. Е. Якушкиным (внуком декабриста) в его известном труде «Рукописи А. С. Пушкина»².

Но несмотря на то, что рассматриваемая тетрадь многократно являлась предметом внимания исследователей, в ней содержатся, как можно убедиться, две черновые страницы, ускользнувшие по каким-то причинам от редакторов сочинений Пушкина.

Страницы эти образуют ныне в пушкинской тетради разворот, левой стороной которого является лист 66 об., а правой стороной — лист 67. Они относятся к черновику прозаического отрывка, предназначавшегося для «Записок» поэта, которые были сожжены им после 14 декабря 1825 года.

Беловой, окончательный текст этого отрывка известен в печати давно благодаря тому, что текст его сохранился случайно в бумагах Н. С. Алексеева, кишиневского приятеля поэта: Пушкин отдал ему для переписки этот собственноручно написанный в 1822 году отрывок своих «Записок», задолго до того, как принужден был уничтожить свой труд³.

Этот беловой отрывок был впервые опубликован — по цензурным условиям в чрезвычайно урезанном виде — в 1859 году Е. И. Якушкиным (сыном декабриста), который сообщал тогда в «Библиографических записках»: «В сборнике нашем ненапечатанных сочинений Пушкина есть несколько отрывков, важных для будущего биографа

поэта...» «Начнем с записок Пушкина», — писал Е. И. Якушкин, публикуя рассматриваемый отрывок, в котором «Пушкин бегло излагает свой взгляд на царствования преемников Петра I»⁴. В более полном виде отрывок этот увидел свет лишь много лет спустя в «Русской старине», где помещен был под заголовком «Взгляд на царствования Петра I и Екатерины II»⁵. В собраниях сочинений Пушкина он печатается теперь обычно под условным названием «Заметки по русской истории XVIII века».

После того, как отрывок был напечатан по копии белового автографа, уцелевшего в бумагах Н. С. Алексеева, в печати стали появляться — сначала, правда, в очень неполном и неточном виде — черновые варианты к нему, посвященные Пушкиным характеристике Петра I и обнаруженные на одной из страниц (л. 61) той именно Кишиневской тетради поэта, к которой мы должны ныне вернуться, поскольку в ней содержатся, как оказалось (на лл. 66 об. и 67), неопубликованные пушкинские строки, посвященные характеристике Екатерины II.

После разгрома восстания 14 декабря Пушкин, сжегши беловую рукопись своих «Записок» и «боясь тщательного обыска... не пожалел и черновых листов». Так поступил он и с рассматриваемой нами Кишиневской тетрадью. Но, вырывая из нее черновик отрывка, в котором исторически обосновывалась необходимость уничтожения самодержавия и крепостного права, Пушкин уничтожил свой черновик не полностью. В тетради поэта уцелели, оказывается, три страницы черновика; опубликована же была из них, как сказано, лишь одна — содержащая варианты, относящиеся к Петру I.

Между опубликованными нами остальными двумя уцелевшими страницами пушкинского черновика виден корешок вырванного рукой Пушкина листа, на котором так же, как на этих уцелевших страницах, находилась часть текста, посвященная характеристике Екатерины II.

По содержанию эти страницы черновика близки к известному нам беловому тексту пушкинского отрывка. Вместе с тем они показывают, с какой настойчивостью Пушкин работал над создаваемыми им в кишиневский период историческими страницами своих «Записок» и какое значение придавал стилистической отделке их.

На л. 66 об. после зачеркнутого сверху двустишия («Овидий, я брожу...») читаем:

«Униженная Швеция и уничтоженная Польша [уни] [усмиренная Турция] — вот истинные права Екатерины на [нашу] благодарность Русского народа — но [время] [потомству] современем истина оценит влияние ее царствования на нравы, откроет [жестокость] жестокую деятельность ее деспотизма, под маскою кротости и терпимости, [покажет] народ, угнетенный ее

наместниками, казну расхищенную [любимцами] любовниками, [войско] (нрзбр.) [тиранство], [откроет] покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, [мелочное шарлатанство] отвратительное фиглярство в сношениях [с Вольтером и] философами [сластолюбиды] 18 столетия»⁶.

Этой странице пушкинского черновика соответствует в беловом печатном тексте отрывка абзац пятый. В числе приведенных черновых вариантов, относящихся к характеристике Екатерины и ее царствования, обращает на себя внимание слово «тиранство», отсутствующее в окончательном, беловом тексте отрывка. Зачеркнутое Пушкиным слово «войско» дает, судя по контексту, основание предполагать, что Пушкин первоначально имел в виду упомянуть здесь о вопиющих недостатках, обнаружившихся в управлении и обеспечении русского войска к концу царствования Екатерины II.

На листе 67-м мы находим черновой текст, соответствующий абзацу восьмому белового пушкинского текста⁷. Приведем этот черновой текст, начало которого говорит о том, что Екатерина уничтожила «звание» —

«(справедливее [скорее] название) рабства; а [сама] [дарила государственные поместья] [государственных крестьян] раздавала около [300.000] 200.000 государственных крестьян (т. е. свободных [землепашцев] хлебопашцев). [Екатерина] уничтожила звание раб, и закрепостила [часть] вольную Малороссию, Екатерина уничтожила пытку, и тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением — [Новиков, Радищев, Княжнин] [Новиков и Радищев были], Княжнин умер под розгами [Шишковского]»⁸.

Екатерина любила просвещение — и [почтенный Новиков, более всех] Новиков [первый] распространивший первые лучи его [был] из рук кровавого Шишковского перешел во мрак темницы. Радищев [находился] до конца жизни (?) ее (?) [был] [сослан] в Сибирь. Кн. <яжнин> умер под розгами — [Знаю, что Кандид и Белый бык были напеча <таны>] (нрзбр.) и Фон-Визин, которого она боялась, не избежал бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность».

Критикуя влияние царствования Екатерины II на «политическое и нравственное состояние России» и говоря о «важных ошибках ее в политической экономии», Пушкин не только с возмущением вспоминает о том, что Екатерина, уничтожив на словах звание «раб», щедро дарила своим фаворитам государственные поместья и закрепостила вольную Малороссию. Подчеркнув, что Екатерина вместе

с государственными поместьями дарила приписанных к ним «свободных хлебопашцев», превращая в помещичью собственность государственных крестьян, Пушкин считает нужным указать и число их. В черновике он заметил, что Екатерина раздарила около 200 тысяч свободных хлебопашцев. Но затем, уточнив, указал в беловом, окончательном тексте, что Екатерина «раздарила около миллиона государственных крестьян»⁹.

Это заслуживает внимания не потому только, что Пушкин проявил здесь стремление к исторической точности, но и потому, что окончательно установленная им цифра свидетельствует о несомненной осведомленности его. Говоря об усилении крепостного права в царствование Екатерины II В. О. Ключевский позднее отметил, что «количество приведенных в известность крепостных, розданных в течение этого царствования в частное владение, простиралось до 400 000 ревизских душ, т. е. почти до миллиона действительных душ»¹⁰. Эту же цифру — «около миллиона» — назвал в своем окончательном тексте и Пушкин.

В беловом варианте читаем:

«Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шишковского («домашний палач кроткой Екатерины», — поясняет Пушкин) в темницу, где и находился до самой ее смерти»¹¹.

В приведенных выше черновых вариантах к этому пушкинскому тексту сохранились, как видим, выразительные эпитеты, характеризующие и Новикова и Шешковского: Новикова Пушкин назвал в черновике «почтенным», а Шешковского — «кровавым».

«Княжнин умер под розгами», — пишет Пушкин и в черновом и в окончательном тексте отрывка, повторяя предание о том, что Княжнин умер под пыткой. В черновике Пушкина вслед за словами «Княжнин умер под розгами» можно прочесть зачеркнутую, но чрезвычайно интересную по содержанию строку, обличающую лицемерие Екатерины: «Знаю, что Кандид и Белый бык были напечатаны». Смысл этой недописанной и зачеркнутой фразы состоит в том, что названные Пушкиным повести Вольтера были опубликованы в России под покровительством самой Екатерины. Как известно, по желанию императрицы в 1768 году была учреждена «комиссия для печатания на русском языке хороших иностранных книг», наметившая к изданию сочинения Вольтера. Его прославленный «Кандид» вышел в Петербурге в следующем, 1769 году¹². «Белый бык» — вторая из названных Пушкиным философских повестей Вольтера — также была переведена и издана в России при ближайшем участии самой Екатерины¹³.

Пушкин в своем черновике саркастически напоминает об этом. Ибо Княжнин, по его словам, умер под розгами в Тайной канцелярии, которая «процветала под... патриархальным правлением» той самой

Екатерины, под высочайшим покровительством которой издан был в России «Кандид». Между тем как раз в этой повести Вольтер рассказывает, «как Кандид был высечен». Здесь именно, вспомнив любимую сентенцию своего учителя Панглоса об «этом лучшем из миров», только что высеченный Кандид, «испуганный, ошеломленный, изумленный, весь окровавленный, весь трепещущий», произносит свою знаменитую фразу: «Если это лучший из миров, то каковы другие?» Эти всем известные слова Кандида, как и плачевная участь его, не могли не вспомниться читателям, которым Пушкин намерен был адресовать свои бичующие Екатерины строки.

Но заслуживает, пожалуй, внимания и другое: в этом месте своего черновика Пушкин неожиданно говорит от первого лица: «Знаю, что Кандид» и т. д. Предание о том, что Княжнин «умер под розгами» в Тайной канцелярии (где он был в самом деле допрошен Шешковским), остается исторически не подтвержденным. Но Пушкин недаром дважды повторяет его в черновике и, не сомневаясь, по-видимому, в истинности его, сохраняет в окончательном тексте отрывка.

Пушкин, когда писал эти строки, вспоминал, разумеется, и о своей политической судьбе, повторявшей судьбу его предшественников. «Радищев, — писал он, — был сослан в Сибирь». В Сибирь грозил сослать Пушкина и Александр I. «Воображаемый разговор» свой с Александром I Пушкин также закончил, как известно, тем, что царь ссылает его в Сибирь. А повторяя, что во времена Екатерины «Княжнин умер под розгами», Пушкин не мог не вспомнить распространявшийся его врагами слух о том, будто сам он также был «высечен» в Тайной канцелярии.

«Необдуманные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен», — писал Пушкин из михайловской ссылки в 1825 году в своем неотправленном письме к Александру I. «До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении... Я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убит — В»¹⁴, — писал далее Пушкин, признавая, что у него возникла в то время мысль о цареубийстве. Вот отчего с такой настойчивостью Пушкин возвращался к судьбе Княжнина, повторяя глухое предание о том, что писатель этот был «высечен» в Тайной канцелярии.

Резко критикуя Екатерину и ее царствование, Пушкин, как видим, с необыкновенной смелостью обличал самодержавие, его отношение к литературе и русским писателям.

РАБОТА НАД «ОНЕГИНЫМ»

Окончив «Онегина», Пушкин написал элегию «Труд».

Миг вожделенный настал, окончен мой труд многолетний...

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?..

Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи...

В последних строфах «Онегина» Пушкин вспоминает свой *живой и постоянный труд* и прощается с ним, как с героями романа.

Когда впервые появились в печати подготовительные наброски и отрывки, остававшиеся в рукописях Пушкина, один из переживших его современников писал: «Как студии великих художников, они сделаются предметом изучения для будущих наших писателей»¹⁵. В Большом академическом издании перед читателем проходят варианты, сменявшиеся под пером поэта, извлеченные полностью из его черновиков. Черновики «Онегина» впервые прочитаны и напечатаны здесь до конца, строка за строкой¹⁶.

Дело текстологов — критически, детально оценить громадный труд, выполненный редакторами этого издания. Исчерпывающий комментарий дополнит когда-нибудь академическое издание Пушкина.

Задача этих заметок — коснуться вопросов, которые возникают при первом чтении «Онегина», впервые напечатанного со всеми рукописными вариантами его.

Это чтение нарушает инерцию в восприятии романа.

Ларины

Прощаясь с «Онегиным», Пушкин писал:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал...

«Магический кристалл» — стеклянный шар для гаданья, в нем отражается будущее.

Мы знаем, что Татьяну сначала звали Наташей. После первой встречи с Татьяной — в черновиках — Онегин думал: не влюбился ли он в нее? Татьяна меняется на протяжении романа. Ленский и Ларины

изменились до того, как они вошли в роман,— в черновиках «Онегина».

О Ларине, отце Татьяны, в романе сказано:

Он был *простой и добрый* барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиранный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

В черновиках он был другим:

Супруг — он звался Дмитрий Ларин
И винокур и хлебосол
Ну словом прямо русский барин...

И еще резче:

Супруг — он звался Дмитрий Ларин
Невежда, толстый хлебосол,
Был настоящий русский барин...

В черновиках он был:

...Довольно скуп
(Отменно) добр и очень глуп.

В «Онегине» о Лариных мы читаем:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины (и проч.).

Строфа эта была написана после окончания второй главы и включена в нее потом.

В черновиках же Ларины были изображены иначе:

Они привыкли вместе кушать,
Соседей вместе навещать
(По праздникам обедню) слушать
Всю ночь храпеть, а днем зевать...

В «Онегине» говорится об их гостях:

Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья...

В черновиках было иначе:

Под вечер у него сходилась
Соседей милая семья
(Дворян сбиралась семья)
Исправник, поп и попадья...

Это уже «уездное»!

О Лариной-матери теперь можно прочесть в черновиках:

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Секала < — — — >¹⁷, брила лбы,
Ходила в баню по субботам...

В первом издании этой главы «Онегина» Пушкин сказал о Лариной:

Она меж делом и досугом
Узнала тайну, как супругом,
Как Простакова, управлять.

Сначала Ларина была Простаковой.

В «Романе в письмах», который связан с пушкинским романом в стихах, герой Пушкина писал, «глядя на управление мелкопоместных дворян»: «Какая дикость! Для них не прошли еще времена Фонвизина. — Между ими процветают Простаковы и Скотинины!»

Лариных — отца и мать — Пушкин сначала написал по-фонвизински. Потом героями Фонвизина в «Онегине» остались гости Лариных — семья Памфила Простакова (он стал потом Панфилом Харликовым) и Скотинины:

...чета седая
С детьми всех возрастов...

Они приезжают на именины в пятой главе «Онегина».

В первой главе «Онегина» Пушкин вспоминал Фонвизина, говоря о театре:

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы...

«Прочитав *Разговор у княгини Халдиной*, — писал Пушкин в 1830 году, — пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы».

Пушкин не стал решать в «Онегине» задачу, которую решал Фонвизин.

Вспоминая о сатире нравов, в черновиках седьмой главы «Онегина» Пушкин назвал поэта, который стал продолжателем Фонвизина:

Как (живо) колкий Грибоедов
В сатире внуков описал
Как описал Фонвизин дедов...

В пятой, седьмой, восьмой главах «Онегина» Пушкин обращается к сатире только в наброске среды, с которой сталкиваются главные

герои романа («Сколько при них портретов, то отделанных заботливо, то слегка набросанных, сколько каррикатур!» — писал современник «Онегина») ¹⁸.

Героями Фонвизина в «Онегине» остались фигуры, показанные не крупным, а общим планом.

Спор об «Онегине»

Первая глава романа была напечатана в 1825 году: «Онегин» начат в 1823 году. В эти годы Пушкин писал:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне ювеналов бич!

В черновом предисловии к первой главе «Онегина» Пушкин от имени издателя называл автора «Онегина» сатирическим писателем, первую главу «Онегина» назвал сатирическим описанием жизни молодого русского дворянина, вспоминал сатиру нравов Ювенала, Петрония, Вольтера и Байрона и по-щедрински сказал об отеческой бдительности цензуры, блюстительницы нравов и государственного спокойствия.

В том же 1825 году, 24 марта, он писал Бестужеву:

— «Где у меня *сатира?* о ней и помину нет в «Евгении Онегине»... Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен...

1-я песнь просто быстрое введение» ¹⁹.

Замысел романа изменился.

«Другие песни» — вторая, третья и четвертая главы «Онегина» — были уже написаны, Бестужев их еще не читал.

В последней строфе «Онегина» Пушкин говорит:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован...

Пушкин вспоминал споры с друзьями о первой главе романа. Он вспоминал Рылеева и Бестужева.

12 февраля 1825 года Рылеев писал Пушкину об «Онегине»: «Ты схватил все, что только подобный предмет представляет. Но Онегин, сужу по первой песне, ниже и Бахчисарайского фонтана и Кавказского пленника» ²⁰.

«Я готов спорить об этом до второго пришествия», — повторял Рылеев через месяц ²¹.

Бестужев писал Пушкину 9 марта 1825 года:

«Поговорим об Онегине...»

Для чего же тебе из пушки стрелять в бабочку?.. Чем выше предмет, тем более надобно силы, чтобы объять его...»²².

Друзьям казалось:

Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет...

«Что свет можно описывать в поэтических формах,— писал Пушкину Бестужев,— это несомненно, но дал ли ты Онегину поэтические формы кроме стихов? поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты?»

Бестужев требовал, чтобы «Онегин» был «Горем от ума».

«Прочти Байрона,— писал Пушкину Бестужев,—... я не знаю человека, который бы лучше его, портретнее его очеркивал характеры... И как зла и как свежа его сатира!»

Бестужеву хотелось, чтоб Онегин казался сатирическим портретом.

Грибоедов писал Катенину в январе 1821 года о героях «Горя от ума»: «Характеры портретны! Да... портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии...»²³.

Онегин новый тип героя, он не портретен, а типичен.

«Не думай, однако ж,— писал Пушкину Бестужев,— что мне не нравится твой *Онегин*, напротив. Вся его мечтательная часть прелестна, но и в этой части я не вижу «Онегина», а только тебя».

Бестужеву понравились в «Онегине» лирические отступления. Вспоминая строфы «Дон Жуана», говорящие о приключениях Жуана в Петербурге, он ставил Пушкину в пример политическую сатиру Байрона²⁴. Поэтом, у которого элегии чередуются с политической сатирой, был, как мы увидим, в одном из вариантов «Онегина» Ленский.

Пушкин отвечал Бестужеву: «Твое письмо очень умно, но всё-таки ты не прав, всё-таки ты смотришь на Онегина не с той точки, всё-таки он лучше произведение мое».

Далее Пушкин писал: «Сим заключаю полемику нашу...»²⁵.

«Онегин» был явлением нового искусства. Бестужев смотрел на него «не с той точки». Полемика с Бестужевым стала Пушкину не нужной: новое искусство требовало новой точки зрения.

Об Илиаде современности

Вспомним, что думали о новом искусстве современники Пушкина. Кюхельбекер 17 декабря 1831 года писал в дневнике:

«Давно у меня в голове бродит вопрос, «возможна ли поэма эпическая, которая бы наши нравы, наши обычаи, наш образ жизни

так передала потомству, как передал нам Гомер нравы, обычаи, образ жизни троян и греков». «Беппо» и «Дон Жуан» Байрона и «Онегин» Пушкина — попытки в этом роде, но (надеюсь, всякий согласится) попытки очень и очень слабые, особенно если сравнить их с «Илиадою» и «Одиссеею», и не потому что самые предметы Байрона и Пушкина малы и скудны (хотя и это дело не последнее), а главное, что они смотрят на европейский мир, как судьи, как сатирики, как поэты описатели... Ювеналовские выходы Байрона и Пушкина... заставляют меня презирать и ненавидеть мир, ими изображаемый, и удивляться только тому, как они решались воспевать то, что им казалось столь низким, столь ничтожным и грязным. Гомер нашего времени, — если он только возможен, — должен идти иною дорогою»²⁶.

В «Дон Жуане» и в «Онегине» Кюхельбекер видел слабые попытки содать «Илиаду» современности.

В «Дон Жуане» Байрон писал:

«О ты, бессмертный Гомер. Ты, чарующий всякий слух — даже длинноухий, все века, хотя бы и краткие...

... Я должен признать, что мне соперничать с тобой было бы так же тщетно, как ручейку бороться с волнами океана...» (песнь VII, строфы XXI—XXX).

В «Разговорах Байрона» можно прочесть другое (французское издание этой книги вышло в 1824 году, о присылке его Пушкин просил в письмах из Михайловского в этом же и следующем году).

«Если ж непременно нужна эпическая поэма, — сказал Байрон, — то вот вам *Дон Жуан*. Вот что я называю эпопеею: это эпическая поэма в духе нашего века, как Илиада была в духе времени Гомерова»²⁷.

В письме к Бестужеву Пушкин в шутку сравнивал Татьяну с Юлией из «Дон Жуана». В «Онегине» он сравнивал Татьяну с Еленой Прекрасной.

Пушкин обращается к Гомеру в пятой главе «Онегина»:

И к стате я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир!

Сначала обращение к Гомеру не ограничивалось этими стихами. За ними шли еще две строфы. Они были напечатаны в первом издании пятой главы «Онегина». Потом Пушкин исключил их.

Вот они — с некоторыми черновыми вариантами. Пушкин сравнивал героев «Онегина» с героями «Илиады»:

В пирах готов я непослушно
С твоим бороться божеством;
Но признаюсь великодушно,
Ты победил меня в другом:
Твои свирепые Герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевес
Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Перед Истоминой моей
(Пред резвой Ольгой моей)
(Пред няней даже...)
(Пред бригадиршею моей)
Пред нашим воспитаньем модным;
Но Тая (присягну) милей
Элены пакостной твоей...

Эту и следующую за ней строфу, где продолжалось сравнение «Онегина» с «Илиадой», Пушкин потом исключил из своего романа. Следом сравнения с героями «Илиады» осталось в нем двустихие:

Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков...

Пушкинское сравнение героев «Онегина» с героями «Илиады» кажется мне полемическим.

В статье «О направлении нашей поэзии», с которой Пушкин полемизировал в «Онегине», Кюхельбекер сравнил с Ахиллесом героев Байрона и Пушкина. Он писал о них: «Безымянные, отжившие для всего брюзги, которые, — даже у самого Байрона (Child Garold), надеюсь, далеко не стоят... Ахилла Гомерова... которые слабы и недорисованы в «Пленнике» и в элегиях Пушкина»²⁸.

В «Романтической школе» Гейне, защищая современное искусство, сказал, что понимать поэзию прошлого легче, — и надо быть великим поэтом для того, чтобы понять и выразить поэзию своего времени. Он иронизирует над Августом Шлегелем, который всегда старался мерять современность меркой прошлого и даже для того, чтобы унижить Еврипида, сравнивал его с более древними Эсхилом и Софоклом²⁹.

Иронически сравнивая героев «Онегина» с героями «Илиады», Пушкин вспомнил статью Кюхельбекера, который сравнивал героев Байрона и Пушкина с Ахиллесом всерьез.

Об «Илиаде» и о поэзии современности Пушкин писал в 1827 году, критикуя драматургию Байрона, который «постиг, создал и описал только единый характер (именно свой)»³⁰.

Признавая оригинальность Байрона в «Дон Жуане», Пушкин противопоставляет Байрону творчество Гете. Пушкин писал: «Фауст есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно так *Илиада* служит памятником классической древности»³¹.

«Разговор книгопродавца с поэтом»

«Относительно Пушкина,— писал в своей книге «Гете в русской литературе» В. Жирмунский,— можно сказать, что ни одна черта в его поэтическом облике не была подсказана влиянием немецкого поэта»³². Взгляд этот, мне кажется, нужно пересмотреть.

Печатавая первую главу «Онегина», Пушкин предпослал ей «Разговор книгопродавца с поэтом». Этот пролог к «Онегину» напоминал читателю «Пролог в театре» к «Фаусту». Александр Бестужев сразу заметил это и указал на это в «Полярной звезде»³³.

В том же 1824 году, когда Пушкин написал «Разговор книгопродавца с поэтом», Грибоедов переводил из «Фауста» «Пролог в театре». В. Жирмунский пишет, что в своем переводе Грибоедов «ряд мест «Пролога» развил и видоизменил по-своему... Гете становится похожим на Грибоедова, политического оппозиционера, ... пишущего сатиру на светское общество».

Пушкин воспринял «Пролог» Гете к «Фаусту» иначе.

О «Прологе в театре», с которым связан пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом», в комментарии к «Фаусту» мы читаем: «Гете здесь, как и во всех своих драматических и эпических произведениях, объективирует свой внутренний конфликт в диалектическом противоположении характеров, в данном случае поэта, с одной стороны, шута и директора — с другой. Разрешением антитезы является само драматическое произведение, как образец новой драматической поэзии»³⁴.

По этому пути пойдет создание ряда произведений Пушкина. Герои-антиподы «Каменного гостя» — Дон Гуан и Командор (Дон Карлос — alter ego Командора). Пушкин не Дон Гуан и не Дон Карлос. Но в столкновении этих героев объективирован конфликт двух начал, двух тенденций, сталкивающихся и борющихся в душе поэта, поляризованных и воплощенных им в образах — и в драматическом столкновении — героев «Каменного гостя».

Чарский и Импровизатор — герои-антиподы «Египетских ночей», Пушкин не Чарский (Чарский — поэт-денди), но, создавая его образ, Пушкин придал ему, мы знаем, автобиографические черты. Пушкин не Импровизатор, о котором можно сказать: «Холодная толпа взирает на поэта, как на заезжего фигляра», — но это слова из стихотворения, в котором Пушкин говорит о самом себе. В столкновении Чарского

и Импровизатора также объективирован внутренний конфликт поэта. Тема пушкинского «Разговора книгопродавца с поэтом» — столкновение поэзии и прозы жизни.

Книгопродавец и Поэт, оба высказывают мысли Пушкина — те мысли, которые сталкивались в сознании Пушкина. Пушкин объективирует здесь свой внутренний конфликт, не совпадая ни с одним из героев-антагонистов «Разговора». Художественное решение дано в диалоге Пушкина также диалектически — противопоставлением их. Это и сближает «Разговор» Пушкина с Гете.

«Разговор книгопродавца с поэтом» — первый опыт Пушкина. в этом роде. Поэт все время остается поэтом. Его антагонист — «книгопродавец» — не везде выдерживает роль.

«Разговор» начинается книгопродавец:

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть.
Поэма, говорят, готова,
Плод новых умственных затей...

Далее этот же книгопродавец говорит о поэте:

Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщины славы просит;
Для них пишите; их ушам
Приятна лесь Анакреона,
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

В стихах, которыми начат «Разговор», книгопродавец недалек от гостинодворца. В других — только что приведенных мною — стихах он ближе к поэту³⁵. «Разговор книгопродавца с поэтом» еще носит следы первого опыта.

Отходя от Байрона, Пушкин противопоставлял ему не только Шекспира. Он шел путем, который заставляет вспомнить Гете, говоря о том времени, когда Пушкин переходил к созданию «Онегина».

Пушкин в своем творческом развитии не обошел Гете, хотя не стал его подражателем.

Автор и герои «Онегина»

«Онегин» подымал вопрос о новом типе героев и об их отношениях с автором.

«Московский вестник» в 1828 году писал:

«Мы подслушивали разные суждения...

— Создать такой характер, как у Онегина, невозможно, — сказал один, — чтобы описать его, надобно самому быть им.

— Согласен с вами, — отвечал другой, — может быть — автор — Онегин, но только не в святые минуты вдохновения, по будням, а не в праздник.

Когда не требует поэта
К священной жертве Аполлон.

— В таком случае, — сказал третий, — гораздо лучше верить самому автору. Вот что говорит он об этом.

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом...»³⁶.

В предисловии к четвертой песне «Чайльд Гарольда» Байрон писал об авторе и о страннике — герое поэмы:

«Дело в том, что мне надоело проводить между ними черту, которую все решились не видеть... Напрасно я уверял и воображал, что вывел различие между автором и странником. Самая забота о сохранении этого различия и досада на бесполезность всех уверений уничтожали все мои усилия, так что я решился совершенно от этого отказаться. Я так и сделал».

«...Лицо, являющееся во всех его созданиях, — сказал о Байроне Пушкин, — наконец, принял он сам на себя в Чайльд Гарольде»³⁷.

Пушкин — герой «Онегина». Он нарисовал себя рядом с Онегиным на набережной Невы³⁸. Рисунок был напечатан в «Невском альманахе». Это тоже был способ отделить себя от героя, оставаясь близким к нему:

Онегин, добрый мой приятель...

Я говорил о том, что, критикуя «Онегина», Бестужев требовал, чтобы герой романа казался сатирическим портретом. О героях Фонвизина Шаховской сказал: «Действующие лица, выведенные им, имеют одно свойство с Вандиковыми портретами: мы не знаем, с кого они были списаны, а уверены, что они похожи»³⁹.

Герои «Онегина» портретными не казались. Онегина как тип героя определил Киреевский. В 1828 году он писал: Пушкин не дал Онегину «определенной физиономии, и не одного человека, но целый класс людей представил в его портрете: тысяче различных характеров может принадлежать описание Онегина».

То одна, то другая из современниц Пушкина думала, что она оригинал Татьяны. Претендентки помнили последнюю строфу «Онегина». В ней сказано:

...А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...

Вариант этих стихов говорил точнее:

А те, с которых образован
Татьяны милый идеал...

Мир «Онегина» — мир объективных, типичных героев. В то же время не похожие друг на друга герои похожи на поэта. (Это связано с тем, что «Онегин» — во многом роман лирический.)

Ряд стихов, написанных от лица автора, Пушкин относил при переработке к Онегину.

Герцену казалось, что «Пушкин изобразил... Ленского с нежностью, какую человек питает к мечтам своей юности». Кюхельбекер сказал даже, что «поэт в своей восьмой главе похож сам на Татьяну»⁴⁰.

В черновиках Пушкин рисовал свои воображаемые автопортреты. Эти рисунки — воображаемые варианты его будущей судьбы. Герои «Онегина» казались читателю воображаемыми вариантами личности самого поэта. Варнгаген фон Энзе говорил, что Пушкин двойится в романе на Ленского и Онегина⁴¹. Рядом с Онегиным Пушкин поставил Владимира Ленского — Онегина *vice-versa* (то есть «Онегина наоборот»), — сказал Герцен.

О России «Онегина»

Не думаю, что всему сказанному о героях «Онегина» противоречат слова Пушкина: «Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны...»⁴².

Крепостная няня — человек другого мира, и образ ее создан иначе.

Писарев удивлялся, как мог Белинский назвать пушкинский роман «энциклопедией русской жизни». Какая же это энциклопедия, говорил он, если из нее выпало крепостное право.

Пушкин писал в «Онегине» о волжских бурлаках:

Надулась Волга — бурлаки,
Опершись на багры стальные,

Унынным голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил Волжскую волну...

В рукописи четвертой главы Пушкин сказал:

В глуши что делать в это время?
Гулять — Но голы все места
Как лысое Сатурна темя
Иль крепостная нищета.

О сцене с няней Белинский заметил: это — целая драма.

Крепостное право из романа не выпало: «Онегин» не роман о крепостном праве, это роман о людях того общества, жизнь которого была определена крепостным строем.

Когда крепостное право было отменено, Некрасов писал в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..

Цепь сковывала барина с мужиком.

Татьяна выходит замуж, повторяет судьбу своей матери и няни: это тождество противоположных судеб.

В Онегине Герцен видел последствие разрыва между Россией образованной и народной, Ленского он назвал «другой жертвой русской жизни».

В одном из вариантов «Онегина» Пушкин сказал:

Пою печального героя.

Пушкин знал, кому на Руси жить хорошо. В черновых строфах «Онегина» он писал:

Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой —
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И богу душу передал,
Как откупщик иль генерал.

Когда Гоголь прочитал Пушкину первые главы «Мертвых душ», Пушкин сказал: «Боже, как грустна наша Россия». Эти слова мог бы повторить читатель «Онегина».

Россия «Онегина» грустна иначе, чем Россия «Мертвых душ». «Он сатирический портрет?» — гадают Татьяна об Онегине в черновиках седьмой главы. «Сатирическим портретом» был Онегин первой главы романа. Потом Пушкин перестал смотреть на него сквозь лупу сатиры. Критицизм Пушкина по отношению к Онегину стал выражаться не в сатирическом изображении, а в раскрытии его судьбы.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин приводит известные слова Лабрюйера о судьбе французского крестьянина; сравнивая описания Лабрюйера и мадам де Севинье, он говорит: «Слова госпожи Севинье еще сильнее тем, что она говорит без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла».

Перерабатывая вторую главу «Онегина», Пушкин изобразил жизнь Лариных без сатирического преувеличения и потому еще более грустно.

В рукописях Пушкина есть рисунки, которые кажутся иллюстрациями к Гоголю. Взгляните на профили в черновиках стихов, вошедших в «Странствие» Онегина.

Пушкин видел Россию Гоголя. Но гоголевские хари оставались рисунками на полях его черновиков; в стихах «Онегина» они только обозначили среду, окружающую героев романа.

О своем искусстве Гоголь сказал эпитафией к «Ревизору»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Зеркала Гоголя — это увеличительные зеркала сатиры.

В поэзии Пушкина, писал Гоголь, Россия отразилась «в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Вступление к роману

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!

Об этой музе в «Онегине» Пушкин не говорит. Он вспомнил в шутку другую музу почти в конце романа. Вступление к «Онегину» превратилось в пародию:

Да, кстати здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд
О ты, эпическая муза!

В черновиках этой строфы Пушкин написал:

О муза Пульчи и Парини...

О Пульчи Байрон вспоминал в «Дон Жуане»:

«...Пульчи был мастером... полусерьезных стихов...» (песнь IV, строфа VI).

Байрон переводил Пульчи. 12 сентября 1821 года он спрашивал Джона Меррея: «Почему вы не печатаете моего Пульчи (лучшее из всего, что я написал,— и итальянский текст к нему)»⁴³. Речь идет о поэме «Morgante», смещавшей эпический стиль.

«Этот Луиджи Пульчи... написал свою поэму в середине XV века... Ученые много спорили о том, серьезное это сочинение или шуточное», — говорит Вольтер в предисловии к «Орлеанской девственнице».

Вспоминая Пульчи, у которого учился Вольтер, которого переводил Байрон, Пушкин вспоминал генеалогию повествовательной манеры, сказавшейся в «Онегине».

Теперь о Парини.

Парини (1729 — 1799) был известен Пушкину как автор знаменитой сатиры «День». О возможном влиянии поэмы Парини на первую главу «Онегина» говорил Фриче⁴⁴. Отзвуки ее в первой главе «Онегина» отмечал Мокульский⁴⁵.

В поэме Парини сатирически описан день молодого миланского дворянина. Собираясь издать первую главу «Онегина», сам Пушкин в черновом предисловии назвал ее сатирическим описанием жизни молодого русского дворянина.

Отвечая на критику первой главы «Онегина», Пушкин писал Бестужеву: «Дождись других песен». Теперь, в конце седьмой главы романа, Пушкин иронически писал:

Пою приятеля младого
И множество его причуд...

В черновиках этой строфы Пушкин шутя вспомнил о Парини. Может быть, он вспоминал критиков первой главы романа, которым казалось, что «Онегин» будет чем-то вроде сатирической поэмы, какую написал Парини.

Муза Парини не была музой «Онегина». Отбросив воспоминания о ней, Пушкин пародировал вступление к эпической поэме:

Благослови мой долгий труд
О ты, эпическая муза!
И верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкривь.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступление есть.

Здесь Пушкин смеялся над тем классицизмом, вспоминая

о котором Байрон сказал, что Гомер чарует всякий слух, даже длинноухий.

Для Кюхельбекера, когда он, говоря об «Онегине», противопоставил «Гомера нашего времени, если он только возможен», поэту, который критически смотрит на современный европейский мир, речь шла не о том, что Пушкин должен подражать роду (т. е. жанру) классической эпопеи.

Это Воейков, когда еще не переменял мнения, писал:

Херасков наш Гомер, воспевший древни брани,
России торжество, падение Казани.

Кюхельбекер же записал в дневнике мнение Пушкина об описании осады и взятия Казани у Карамзина: в этой прозе гораздо больше поэзии, чем в эпической поэме Хераскова ⁴⁶.

От эпопеи предостерегал Пушкина Бестужев. В том же письме, где он критиковал первую главу «Онегина», он говорит: «Только избави боже от эпопеи: это богатый памятник словесности, но надгробный. Мы не греки и не римляне, и для нас другие сказки надобны» ⁴⁷.

Но в «Онегине» поэзию Бестужев видел только там, «где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества» ⁴⁸.

Ответом Кюхельбекеру и Бестужеву звучат слова Белинского о Пушкине:

«Он понял, что время эпических поэм давным-давно прошло и что для изображения современного общества, в котором проза жизни так глубоко проникла самую поэзию жизни, нужен роман, а не эпическая поэма.

Он взял эту жизнь, как она есть, не отвлекая от нее только одних поэтических ее мгновений... со всею ее прозою...

И такая смелость... была несомненным свидетельством гениальности поэта».

Поэзия и проза жизни — два плана «Онегина»; взаимодействие их определяет пафос романа.

ОНЕГИН

Теперь рассмотрим отдельные варианты «Онегина».

В черновиках первой главы романа об Онегине говорилось насмешливой:

Онегин был по мнению многих
Судей решительных и строгих
Ученый малый, но педант.
В нем дамы видели талант.

Говоря об Онегине во второй главе, Пушкин колебался. В одном из вариантов сказано: Евгений

Не посвящал друзей в шпионы,
Но думал, что добро, законы,
Любовь к отечеству, права —
Одни условные слова.

В другом, противоположном варианте он:

Не думал, что добро, законы,
Любовь к отечеству, права —
Одни условные слова.

В черновиках второй главы «Онегина» Пушкин иронически писал:

(Свободы сеятель пустынный)
Ярмо он барщины старинной
Оброком легким заменил,
(Народ его благословил)...

Стихом «Свободы сеятель пустынный» Пушкин почти тогда же начал всем известное стихотворение, в котором о сеятеле и о народе говорится совсем иначе.

Мы знаем, что в черновиках после первой встречи с Татьяной Онегин думал, не влюбился ли он в нее. Вот эти стихи ⁴⁹.

В постеле лежа, наш Евгений
Глазами Байрона читал
И дань невольных размышлений
Татьяне милой посвящал.
Самой зари проснулся ране
И что ж, уж думал о Татьяне
Вот новое, подумал он —
Неужто я в нее влюблен...

Этот вариант Пушкин отбросил.

Теперь только, когда Онегин получает письмо Татьяны, Пушкин говорит:

Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел...

Об отброшенном варианте напоминают в конце романа черновые строки письма Онегина к Татьяне:

Случайно вас когда-то встречу,
...*(Я смутный жар в себе заметя)*...
...*(Я с вами сблизиться не смел)*...

Эти варианты остались в черновике. Теперь в письме к Татьяне Онегин говорит:

Случайно вас когда-то встрета,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел...

В вариантах второй главы «Онегина» было сказано:

Какие страсти не кипели
В его измученной груди
Давно ль на долго ль присмирели
Они проснутся — подожди...

В черновиках «Странствия» Онегина есть сентенция:

Хвала тебе, седой Кавказ,
Онегин тронут в первый раз.

Страсти, предсказанные в начале романа в черновиках, проснутся. Возвратившись, Онегин встречает Татьяну.

Пушкин расстается с героем «вдруг», и роман обрывается.

Десять лет спустя Белинский писал:

«Весь этот роман — поэма не сбывающихся надежд, не достигающих стремлений, — и будь в ней то, что люди, непонимающие дела, называют планом, полнотой и оконченностью, — она не была бы великим созданием великого поэта и Русь не заучила бы ее наизусть».

* * *

Лет через двадцать после того, как «Онегин» был окончен, Толстой писал в дневнике: «теперь уже проза Пушкина стара... Теперь справедливо в новом направлении интересном «подробностей чувства» заменен «интерес самих событий»⁵⁰.

Интерес «Онегина» — во многом интерес «подробностей чувства». В ненапечатанном предисловии к последним напечатанным главам «Онегина» Пушкин писал: «Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших».

Искусство, интерес которого в «подробностях чувства», не изобретено после Пушкина. Оно было у Руссо, с которым Толстой связан больше, чем Пушкин. Оно есть у Пушкина («Евгений Онегин» связан с «Новой Элоизой» не только письмами Онегина и Татьяны).

Двадцатипятилетний Толстой думал об изменениях, происходивших в русской прозе, но не говорил в записи, которую я привел, о пушкинском романе в стихах, во многом определившем путь развития русского романа⁵¹.

Еще в большей мере будущий русский роман определило взаимодействие лично-психологической темы с исторической темой.

О том, что в десятой главе «Онегина» в роман включалась историческая тема, будущий автор «Войны и мира», несколько раз принимавшийся за роман о декабристах, знать не мог.

Об исторических лицах «Онегина»

Теперь мы знаем, что в 1829 году на Кавказе Пушкин рассказывал план будущих (ненаписанных) глав романа. Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов.

8 февраля 1824 года Пушкин писал Бестужеву об «Онегине»: «Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге. Прощай, поклон Рылееву...»⁵².

28 ноября 1830 года Пушкин писал: «Вот еще две главы «Евгения Онегина», — последние, по крайней мере для печати...»

Последними эти главы «Онегина» были только для печати.

«Онегин» был задуман так, что о печати нечего было и думать. Пушкин мог бы повторить эти слова, говоря о дошедших до нас не полностью, действительно последних главах романа⁵³.

24 апреля 1853 года Катенин писал Анненкову: «Об восьмой главе *Онегина* слышал я от покойного в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмонки и Одесской пристани, Евгений видел *военные поселения*, заведенные гр. *Аракчеевым*, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению, и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую, и как бы оскудевшую»⁵⁴.

В 1825 году Пушкин писал Бестужеву: «У меня бы затрещала набережная, если бы коснулся я сатиры...»

Дворцовая набережная затрещала, когда Пушкин коснулся сатиры в десятой главе «Онегина»:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

В этой главе речь шла о декабристах.

Белинский не знал об этом, когда писал:

«Евгений Онегин» есть поэма историческая в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица».

В десятой главе «Онегина» появились лица исторические.

Ленский

Ленского Пушкин назвал сначала Холмским.
В черновиках он был другим. Мы знали, что Ленский,

Поклонник Канта и поэт,

в одном из вариантов был:

Крикун, мятежник и поэт ⁵⁵.

Прочитанные теперь черновики открывают новые варианты:
В романе о Ленском говорится:

Он пел любовь, любви послушный (и проч.).

В черновиках же о поэзии Ленского сказано:

Но чаще гневную сатиру
Одушевлялся стих его...

Представление о поэзии Ленского меняется: в черновом наброске он был поэтом, который чаще пишет гневные, сатирические стихи. Сатира Ленского была политической сатирой.

Теперь в романе о Ленском сказано:

Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства...

Мы знаем, что Пушкин противопоставлял Ленского поэтам другого рода ⁵⁶. Он писал о них:

Певцы слепого упоения
Напрасно дней своих блажных
Передаете впечатленья
Вы нам в элегиях живых (и проч.).

В черновом наброске мы можем прочитать стихи, продолжающие это лирическое отступление:

Но добрый юноша готовый
Высокий подвиг совершить
Не будет в гордости суровой
(Ваш вдохновенный стих твердить)
Стихи нечистые твердить.
Но праведник изнеможенный
К цепям неправдой присужденный
(В своей)... в тюрьме
С лампадой, дремлющей во тьме
Не склонит в тишине пустынной
На свиток ваш очей своих

И на стене ваш вольный стих
Не начертит рукой безвинной
Немой и горестный привет
Для узника (грядущих) лет.

Этот набросок, мне кажется, связан с посланием «первого декабриста» Владимира Раевского, написанным в крепости, в 1822 году. Вот стихи, обращенные в этом послании к Пушкину:

Оставь другим певцам любовь.
Любовь ли петь, где льется кровь,
Где власть с насмешкой и улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой.

Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шепотом роптать!
Пора, мой друг, пора воззвать... (и проч.).

В 1822 году Пушкин начал ответное послание В. Ф. Раевскому:

Недаром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы...

Послание Пушкина осталось ненаписанным. Послание Раевского и неосуществленный ответ Пушкина отразились в черновых стихах «Онегина», которые не могли войти в роман.

Татьяна

Онегин с Ленским приезжают к Татьяне на именины. Их «сажают прямо против Тани:

...Она приветствий двух друзей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж капать, уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли...

В черновиках иначе:

 вдруг упала
Бедняжка (в обморок) — тотчас
Ее выносят — суется
(Толпа гостей залепетала)

Все на Евгения глядят
Как бы во всем его винят...

Пушкин выбирает негативный вариант.
Татьяна в Москве:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.

В черновике было иначе:

Архивны юноши толпою
На Таню издали глядят
О милой деве меж собою
Они с восторгом говорят...

Татьяну привозят в театр:

И обратились на нее
И дам ревнивые лорнеты,
И трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.
Внизу вопросы зашумели:
«Кто эта, с правой стороны
В четвертой ложе» (полетели)...

Теперь же в романе сказано:

Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.

Ее не заметили. Переход от Татьяны-барышни к Татьяне — светской даме впереди. Превращение будет поэтому удивительнее. Пушкин нарисовал Татьяну в черновой рукописи письма Татьяны.

В черновиках письма Татьяны есть стихи:

Моя смиренная семья,
Уединенные гулянья
Две книги — верные друзья —
Вот все, что (так) любила я...

В письмо Татьяны эти стихи не вошли — о том, о чем они говорили, Татьяна вспоминает в последней главе романа. Стихи, оставшиеся в черновиках письма Татьяны, отзовутся в ее ответе Онегину. Книжница вспомнит: «Вот все, что так любила я» — и окажется прежней Таней.

Сказав в восьмой главе «Онегина»:

Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал?

Пушкин показал ее такой, какой когда-то нарисовал ее в черновике письма Татьяны:

Сидит не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает,
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой...

В то время, когда Пушкин писал письмо Татьяны, он нарисовал ее дважды: на одном рисунке Татьяна стоит, а на другом сидит, Опершись на руку щекой.

Это поза, не приобретенная в свете. По ней мы узнаем в княгине прежнюю Таню.

Татьяна пишет Онегину в окончательном тексте:

Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался...

С этими стихами, бесспорно, связан монолог Демона в поэме Лермонтова:

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.

Влияние некоторых других стихов письма Татьяны в лермонтовской поэме уже отмечалось⁵⁷. Но неожиданнее всего, что рукописные варианты письма Татьяны, ставшие доступными читателю только в наше время, то есть стихи Пушкина, которых Лермонтов не читал и знать не мог, еще больше напоминают стихи самого Лермонтова. Вот эти черновые стихи из письма Татьяны:

Ко мне, ко мне ты послан богом,
Я знаю ты хранитель мой,
Вся жизнь моя была залогом
[Свиданья моего с тобой]
Ты мне внушал мои моления
[Любви] небесной [чистый] жар
И грусть и слезы умиления
Они тебе, они твой дар.

Переворачиваем еще страницу черновых вариантов «Онегина» и читаем:

Кто ты, мой ангел ли хранитель
Иль демон, сердца искушитель?
Приди, сомненья разреши...

Демон. Слово сказано.

Удивительное сходство стихов Лермонтова с неизвестными ему черновиками Пушкина объясняется тем, что Лермонтов развил в своем «Демоне» многое из того, что Пушкин из «Онегина» устранил, оставив в черновиках своего романа.

Отброшенные варианты

Замечания Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова говорят о том, что значит для Пушкина каждое слово в стихе.

Против батюшковского стиха: «Покрытый в зиму ярким снегом...» Пушкин писал:

«Было прежде: белым снегом».

Пушкин в первой главе «Онегина» в черновиках писал:

Адриатические волны
О Брента! нет, увижу вас
И вдохновенья снова полный
(Я слышу ваш прозрачный глас).

Последний стих Пушкин зачеркнул, в «Онегине» мы читаем:

И вдохновенья снова полный
Услышу ваш волшебный глас!

Много лет спустя Мережковский восхищался, найдя у Толстого *прозрачный* звук копыт; он еще раз назвал Толстого ясновидцем плоти.

Такое «ясновиденье» было в возможностях искусства Пушкина, но он здесь ограничил себя.

Онегин едет к Talon:

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его брововый воротник.

«И это достопамятное обстоятельство,— говорит Писарев,— дало Белинскому повод заметить, что Пушкин обладает удивительную способностью «делать поэтическими самые прозаические предметы». Писарев возмущался бы еще больше, если б знал, что Пушкин написал эти стихи не сразу и тратил время на варианты.

Уж темно, в санки он садится
Пади, пади! раздался крик
(Летучим снегом) серебрится
Его бобровый воротник...

В черновике есть еще:

И покрывает пылью снежной
Седой бобровый воротник.

Онегин с Ленским впервые приезжают к Лариным:

Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят воцаной
Кувшин с брусничною водой.

Прежде чем в «Онегине» остался кувшин с брусничной водой, были варианты:

Обряд известный угощенья
Несут на блюдечках варенья
Бутыль с брусничною водой
Арбуз и персик золотой...
...Несут домашние варенья...
...Крыжовник...
...И доморощенный арбуз...
...И блюдо с дыней золотой...

В другой рукописи:

...И сливы с дыней золотой...
...И вишни с дыней золотой...

«Арбуз и персик золотой», «И блюдо с дыней золотой». Золото Пушкин убрал. Место ему не здесь, у Лариных. Оно в первой петербургской главе «Онегина»:

Меж сыром Лимбургским живым
И ананасом золотым...

Пушкину здесь нужен не натюрморт, а типичная деталь: она обозначает не вещь, а ситуацию — предмет в целом.

Цветовым эпитетом Пушкин пользуется сдержанно и не часто. Он выбирает его.

Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой.

Прежде чем задержать книги траурной тафтой, Пушкин перебрал в черновике:

...Задернул (розовой)? тафтой...
...И под зеленою тафтой...

Онегин едет на Кавказ:

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук.

В черновике:

Стоит Бешту остроконечный
И с ним синеющий Машук.

Об Одессе в черновиках сказано:

Мгновенно площади погрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
Через улицу дерзает вброд,
Кареты, дамы, люди вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет быстрого коня.

К этому стиху есть варианты:

Сменяет пылкого коня.
Сменяет гордого коня.
Сменяет легкого коня.
Сменяет слабого коня...

Теперь в романе мы читаем:

И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

Пушкин нашел, наконец, верный для ситуации эпитет.

Пушкин ценил подготовительные этюды больших художников, которые называются у поэтов вариантами, оставшимися в рукописи.

Бартенев приводит шутку Пушкина, которая очень хорошо показывает это: «Жуковский, когда приходилось ему исправлять стихи свои, уже перебеленные, чтобы не марать рукописи, наклеивал на исправленном месте полосу бумаги с новыми стихами». Однажды, когда такая наклейка была сорвана, Пушкин поднял ее и сказал: «Что Жуковский бросает, то нам еще пригодится».

В первой главе романа сказано о гувернере Онегина:

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,

Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.

Черновым вариант этих стихов объясняет, почему мосье прогнали (или «согнали») со двора:

Когда же юности мятежной
Пришла Онегину пора,
(Мосье же стал наперсник нежный)
Monsieur согнали со двора...

Прежде чем губернатором Евгения остался monsieur l'Abbé в черновике мелькнул:

Мосье швейцарец очень умный.

«Швейцарец». «Очень умный».

Вспоминая, как была написана ода «Вольность», Вигель говорит: у Тургеневых собирались «высокоумные молодые вольнодумцы»⁵⁸. В одном из планов задуманного романа «Русский Пелам» Пушкин написал: «Общество *умных* (И. Долгоруков, С. Трубецкой, Никита Муравьев etc.)». Это — общество декабристов.

«Monsieur, швейцарец очень умный», мог бы быть губернатором, не похожим на monsieur l'Abbé, который стал губернатором Евгения в печатном тексте романа.

Глядя на Петровский замок, вспоминая вступление в Москву Наполеона, Пушкин в черновиках писал:

Отселе в думу погружен,
Глядел на *жадный* пламень он...

И еще:

На жертву *славную* глядел...
...На жертву *грозную* глядел...

В окончательном тексте Пушкин писал:

Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

Пламень всегда *жадный*. Для Наполеона пламень Москвы был грозным.

В черновиках Пушкин писал о Москве:

Москва, как много в этом звуке
Для сердца моего слилось

Потом стало:

Как часто в горестной разлуке,
В моей изменчивой судьбе,
Москва, я думал о тебе.
Москва, как много в этом звуке
Для сердца русского слилось...

* * *

В вариантах восьмой главы «Онегина» Пушкин сказал:

Тут был поэт, не говоривший
Ни о себе, ни о врагах...

Давно замечено, что Пушкин устранил из стихов все, что слишком прямо говорило о нем не как о поэте, а как о человеке. Об Онегине в черновиках старой главы Пушкин сказал:

Он очень уважал решимость
(Гонимый гений, простоту)
Гонимой славы нищету.

Ссылный Пушкин вычеркнул эти стихи, как вычеркнул стихи о своей одесской жизни, слишком точно изображавшие его тогдашний быт:

...Я жил поэтом
Без дров зимой — без дрожек летом.

Пушкин писал о будущем Одессы в черновиках:

...фонтаны хлынут —
Ручьи в оградах потекут
И вместо графа Воронцова
Там будет свежая вода.
Тогда поедem мы туда.

Стихи остались необработанными. Напечатаны они, конечно, быть не могли.

В последней строфе второй главы «Онегина» Пушкин писал:

Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был Поэт.

Черновой вариант говорит нам, о ком думал Пушкин:

Быть может (лестная надежда)
укажет с *кафедры* невежда
(на мой) портрет
И молвит: то-то был поэт.

* * *

Современникам казалось, что Пушкин «рассказывает роман *первыми* словами, которые срываются у него с языка, и в этом

отношении «Онегин» есть феномен в истории русского языка и стихосложения»⁵⁹.

Черновики Пушкина говорят о работе, без которой не могло бы создаться это впечатление.

Мериме (который сказал как-то, что «Онегин» сначала показался ему «несколько растянутым» из-за «частого применения отступлений и скобок»⁶⁰) в 1868 году писал, сравнивая Пушкина с Байроном⁶¹:

«Байрон... никогда не благоволил делать выбора между мыслями, теснившимися в его воображении. Питая слишком мало доверия к уму и воображению читателя, он хочет все объяснить ему, он комментирует самого себя, и наименьший риск, которому он себя этим подвергает, состоит в том, что он делает нас, так сказать, свидетелями процесса своего творчества, вместо того чтобы представить нам уже готовый результат его».

Пушкина Мериме в этой статье противопоставил Байрону: «Как Пандар, гомеровский ученик, он долго разыскивает в своем колчане именно ту прямую и острую стрелу, которая неминусемо попадает в цель. Простота и иногда некоторый внешний беспорядок являются у него лишь расчетом утонченного мастерства...»

Томашевский назвал пушкинские черновики стенограммами его творческого процесса. «Следовать за мыслями великого человека, сказал Пушкин, есть наука самая занимательная».

Опубликованные в Большом академическом издании рукописные варианты «Онегина» широко открывают перед нами эту возможность.

1940.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РУКОПИСИ

«Повесть о капитане Копейкине»

Эту рукопись Гоголя я впервые увидел в Москве. В Центральный государственный архив древних актов она поступила из Красноярска. На обложке ее было сказано, что это черновик гоголевской «Повести о капитане Копейкине». Но с первого же взгляда можно было увидеть, что рукопись эта не простой черновик: страницы ее перечеркнуты крест-накрест красными чернилами, сохраняющими еще свою яркость.

Передо мной лежали, кажется, запрещенные больше ста лет назад царской цензурой страницы «Мертвых душ». До сих пор они были известны только по копии, снятой в год смерти Гоголя; подлинник же этих запрещенных гоголевских страниц куда-то исчез. Если он в самом деле теперь обнаружился и возвратился из безвестного отсутствия в Москву, где страницы эти больше ста лет назад были написаны,

судьбу их следовало выяснить. Она оказалась действительно интересной.

Вот история этой рукописи.

На архивной обложке ее помечено, что в Красноярский областной архив рукопись «Копейкина» поступила «из коллекции Г. В. Юдина». Это сразу объясняло многое. Сибирский купец Геннадий Васильевич Юдин собрал в Красноярске за долгие годы своей жизни библиотеку, которую энциклопедия Брокгауза называла «самой обширной из частных библиотек России»: в ней было больше 100 тысяч томов. В книге, вышедшей в 1905 году в Вашингтоне и посвященной библиотеке Юдина, говорилось, что равной ей по числу книг частной библиотеки не существовало ни в России, ни за границей.

Библиотеку свою Юдин перевез после одного из случившихся в Красноярске больших пожаров за город, в село Тараканово. Здесь, на крутом берегу Енисея, он построил для нее двухэтажное здание из крепкого сибирского леса. В этой «знаменитой библиотеке Юдина» занимался в 1897 году Владимир Ильич Ленин, когда останавливался в Красноярске на пути к месту своей сибирской ссылки. Это «замечательное собрание книг»⁶², — писал Ленин сестре Марии Ильиничне.

За пять лет до своей смерти, в 1907 году, не поладив с государственными книгохранилищами царской России, Юдин продал свою библиотеку в Америку.

Но кроме громадной библиотеки, Юдин собрал еще целый архив рукописей, среди которых были редчайшие автографы русских писателей. И архива своего в отличие от библиотеки целиком за границу не продал: в посвященном Юдину некрологе, напечатанном в 1912 году в журнале «Русский библиофил», можно прочесть, что архив этот перешел после смерти Юдина к его наследникам. Неудивительно поэтому, что рукопись Гоголя из коллекции Юдина оказалась после революции в Красноярском областном архиве, а оттуда возвратилась в Москву.

* * *

Как попала, однако, эта драгоценная рукопись в коллекцию Юдина? На обложке ее есть пометка, где упоминается «фонд» Погодина. У Погодина, в доме на Девичьем поле в Москве, Гоголь жил в то время, когда готовил к печати «Мертвые души», и так как денег у Гоголя не было, то печатались они в долг, на бумаге, взятой в кредит Погодиным. Погодин, историк и знаток древностей, собрал у себя в доме целый музей, который сам он назвал «Древлехранилищем», и Гоголь отдал ему рукописный экземпляр первого тома «Мертвых душ» (Погодин продал его потом Императорской публичной библиотеке). Остались у Погодина и запрещенные страницы гоголев-

ской «Повести о капитане Копейкине», вырезанные цензурой из другой рукописи, по которой «Мертвые души» печатались. От Погодина и перешли, прямо или через посредников, эти перечеркнутые красными цензорскими крестами страницы к Юдину.

Вот как вырезаны были эти страницы.

Когда Гоголь узнал, что московская цензура не пропустит в печать «Мертвые души», он передал рукопись Белинскому (приехавшему в то время в Москву) в надежде протащить как-нибудь «Мертвые души» через петербургскую цензуру. Эта надежда, казалось, оправдывается: в Петербурге публикация рукописи была разрешена. Но цензура исключила из «Мертвых душ» «Повесть о капитане Копейкине».

Капитан Копейкин появляется в этой повести «после кампании двенадцатого года». Под Красным ли, или под Лейпцигом, пишет Гоголь, оторвало ему руку и ногу. И Копейкин отправляется в Петербург, «чтобы просить государя, не будет ли какой монаршей милости: что вот-де, так и так, в некотором роде, так сказать, жизнью жертвовал, проливал кровь...»

Повидал Копейкин самого министра, снова пришел, раз и другой. А в ответ на просьбу ему «подносят все одно и то же блюдо: «завтра». Наконец стал настаивать и разгневал его высокопревосходительство: «А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит: трехаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков,— словом, дантист эдакой... Вот его, раба божия, схватили, сударь мой, да в тележку, с фельдъегерем». И выслали из столицы. И Копейкин, возмущенный несправедливостью, вслед за этим исчез и стал атаманом разбойничьей шайки... Так оканчивает свой рассказ о нем почтмейстер Иван Андреевич (тот самый, обращаясь к которому чиновники всегда прибавляли: «Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч»).

Неудивительно, что эти страницы «Копейкина» запрещены были царской цензурой. «Ничья власть не могла его защитить от гибели,— писал Гоголю цензор, запретивший «Копейкина»,— и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать»⁶³. Но Гоголь был в отчаянии.

«Без «Копейкина»,— писал он в эти дни,— я не могу и подумать выпустить рукописи». «Я решился не отдавать его никак,— говорит он в другом письме.— Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе». Поэтому, вырезав из рукописи «Мертвых душ» страницы, перечеркнутые красными цензорскими чернилами, Гоголь стал переделывать их и на этих же самых, вырезанных листах создал новую, смягченную редакцию «Повести о капитане Копейкине».

В запрещенной цензурой редакции повести Копейкин просил: «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имею, так сказать, куска хлеба...» А настаивать стал, объясняет почтмейстер, когда «голод-то, знаете, пришпорил его».

В новом, поневоле созданном Гоголем варианте повести Копейкин представлен иначе: это человек назойливый — «наян эдакой», говорит о нем гоголевский почтмейстер. Ему «даны пока средства для прокормления, покамест выйдет резолюция...» «Да что? — говорит на это Копейкин, — я не могу, — говорит, — перебиваться кое-как. Мне нужно съесть и котлетку, бутылку французского вина, поразвлечь тоже себя, в театр, понимаете».

«...Я переделал «Копейкина», я выбросил все, даже министра, даже слово «превосходительство», — писал теперь Гоголь цензору. — Характер Копейкина я вызначил сильнее, так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков... Начальник комиссии даже поступает с ним очень хорошо...» Виноват теперь во всем, оказывается (если принимать всерьез эти адресованные цензору слова Гоголя), уже сам Копейкин.

Этот новый вариант «Повести о капитане Копейкине» переписан был набело на листках почтовой бумаги. Листки эти вклеили в рукопись «Мертвых душ» на место вырезанных страниц, и они вместе со всей рукописью, скрепленной цензором, пошли в печать.

А вырезанные страницы, на которых можно прочесть, несмотря на зачеркивания и прежнюю, запретную, и новую, смягченную, редакцию «Копейкина», Погодин сберег в своем «Древлехранилище». И в год смерти Гоголя показал — и позволил скопировать — эти листы Николаю Тихонравову, который стал впоследствии известным исследователем литературного наследия Гоголя. А так как в числе вырезанных листов не хватало начальной страницы «Копейкина», Тихонравов отыскал ее в прошедшей цензуре рукописи «Мертвых душ», хранившейся в библиотеке Московского университета (первая страница «Копейкина» в отличие от остальных не была вырезана из этой разрешенной цензурой рукописи, а только заклеена белой бумагой, которую Тихонравов тогда же удалось отмотить).

Для того чтобы окончательно убедиться в том, что возвратившиеся в наше время из Красноярска в Москву страницы «Копейкина» действительно подлинник, отбившийся век назад от этой цензурной рукописи, нужно было увидеть цензурную рукопись «Мертвых душ», вставить возвратившиеся страницы «Копейкина» на то место, откуда они были когда-то вырезаны, и посмотреть: придутся ли они впору?

«Мертвые души» печатались в типографии Московского университета, и цензурная рукопись поэмы поступила затем в университетскую библиотеку. Но там ли она и теперь, век спустя, после того, как пронеслось столько бурных исторических событий?

Дело было теперь за последней проверкой. Я отправился в Музей книги при Библиотеке Московского университета и уже через несколько минут держал в руках цензурную рукопись гоголевской поэмы.

Рукопись эта большого формата; переплет ее оклеен желтоватой бумагой, а одна из страниц заложена засохшей веткой полыни, и запах ее, неожиданный среди книжных шкафов, напоминает о южной степной дороге. На заглавном листе рукописи (переписанной гусиным пером для печати рукою писца) рукою Гоголя приписаны слова: «Поэма Н. Гоголя». А кончается последняя страница этой рукописи словами поэта: «Русь, куда же несешься ты, дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Раскрыв этот рукописный том «Мертвых душ», нетрудно было убедиться, что там, где должна находиться 313-я страница и еще несколько следующих за ней, также вырезанных страниц, вклеены вместо них четыре полулиста почтовой бумаги, на которых переписана была чьей-то рукою новая, смягченная Гоголем редакция «Повести о капитане Копейкине».

Я приставил сюда возвратившиеся из Красноярска страницы Гоголя. Они были те самые, которых неоставало. На первой из этих отбившихся страниц читается конец слова, начатого на предшествующей, 312-й странице основной рукописи: слово это — «Шахразада» (или, как написал Гоголь, «Шеррезада»).

История рукописи на этом, кажется, заканчивалась.

* * *

Когда Гоголь окончил «Повесть о капитане Копейкине», Анненков, писавший ее под диктовку Гоголя, «отдался неудержимому порыву веселости». Гоголь смеялся вместе с ним и несколько раз спрашивал: «Какова «Повесть о капитане Копейкине»?» «Но увидит ли она печать когда-нибудь?» — спросил его Анненков. «Печать — пустяки! — отвечал Гоголь. — Все будет в печати!»⁶⁴.

Так оно и произошло. Но для читателей «Мертвых душ» цензурная история «Копейкина» окончилась лишь в наше время. Дело в том, что скопированные в год смерти Гоголя страницы запрещенной рукописи «Копейкина» Тихонравов смог напечатать только через полвека после их запрещения, и не в тексте «Мертвых душ», а лишь в приложении к ним⁶⁵. И «Повесть о капитане Копейкине» в большинстве дореволюционных изданий продолжала печататься в той смягченной редакции, которую Гоголь создал поневоле, понужденный к тому цензурой.

Только в наши дни две редакции «Повести о капитане Копейкине» во всех изданиях Гоголя поменялись местами: запрещенный царской цензурой «Копейкин» стал наконец на принадлежащее ему по праву место в основном тексте «Мертвых душ». А смягченная поневоле

Гоголем редакция повести перешла — теперь уже во всех изданиях — туда, где ей надлежало быть — в приложения к «Мертвым душам».

Слова Гоголя: «Все будет в печати!» — сбылись. Отыскались и знаменитые своей цензурной историей страницы «Копейкина».
1951.

СТРАНИЦА «ВОЙНЫ И МИРА»

Толстой и записки Болховского

Такого важного известия не было во всю войну.

«Война и мир»

О Болховском писал Пушкин в своем дневнике, Герцен — в «Былом и думах», Лев Толстой — в «Войне и мире». Чем привлёк он внимание великих писателей?

«Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал), — вспоминал Пушкин. И пояснил, что на вопрос общего их приятеля, который спросил у Болховского: «Помилуй! Да о чем ты будешь писать? Что ты видел?» — Болховской ответил: «Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет...»⁶⁶.

Что же видел Болховской и о чем мог вспомнить в своих записках?

Болховской был очевидцем смерти Екатерины II (об этом упоминает Пушкин). Герцен, с детства знавший Болховского, пишет, что «он участвовал в убийстве Павла». Наконец, — что важно для нас — он был участником событий Отечественной войны 1812 года. Все это объясняет, почему Пушкин счел нужным отметить, что Болховской начал писать свои записки. Продолжал ли он их и какова была их дальнейшая судьба?

* * *

Болховской был тот самый офицер, который доставил Кутузову донесение о том, что французская армия внезапно покинула Москву и Наполеон отступает.

Два-три упоминания о его записках можно поэтому встретить у историков Отечественной войны 1812 года, пользовавшихся в прошлом столетии рукописью Болховского. Он скончался в 1852 году в Москве, а отрывки из подлинных его записок были напечатаны лишь

полвека спустя, когда в Вильне издан был сборник «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников».

Вот как рассказывает в них Болховской о своей исторической встрече с Кутузовым.

В то время как Кутузов со штабом находился при Тарутинском лагере — в Леташовке, «генерал Дорохов,— пишет Болховской,— доносил, что неприятельский отряд в числе 10000 показался на Боровской дороге близ села Фоминского, имея будто бы предметом защищать от партизан своих фуражиров и транспорты... Ермолов — начальник главного штаба — сомневался в правильности донесения Дорохова и приказал партизанам Сеславиному и Фигнеру, каждому с отрядом в 500 лошадей, «открыть настоящее намерение неприятеля...».

В ночь на 11 октября «войско в лагере и начальники — все предалось покою». Болховской не спал «в ожидании партизанов, как вестников, долженствующих определить жребий воюющих. И действительно,— пишет он,— в первом часу пополудни явился полковник Сеславин... чтобы возвестить, что мнимый тот десяти тысячный отряд... не иное что, как эшелон отступающей от Москвы французской армии. От него узнал я тут все подробности его отступления, как-то: подорвание Кремля и прочее, а в удостоверение сего наиважнейшего события Сеславин, имев дерзость заехать в тыл неприятельских колонн, привел с собой несколько гвардейских пленных офицеров, которые при допросе моем все сказанное совершенно подтвердили...

Генерал Ермолов своей рукой написал весьма краткую записку к фельдмаршалу, генерал Дохтуров подписал ее, и мне поручено было,— говорит Болховской,— сколь возможно быстро доставить и дополнить изустно оную...

На тот раз я имел отличную, добрую донскую лошадь, но, не доверяя достаточно силе и быстроте ее, я взял с собой фельдъегеря на весьма добром коне... и несколько своих ординарцев... дабы, в случае нужды, переменить мою лошадь. Ночь была теплая, месячная, и лошадь моя столь хорошо себя оправдала, что всех моих спутников я оставил далеко за собой, и в главную квартиру прибыл я с неизмеримой скоростью.

Прискакав прямо к главной квартире генерала Коновницына, я нашел еще его работающим. Он, пораженный моим рассказом, тотчас пригласил графа Толя. Оба вместе, приняв от меня записку, пошли будить от сна фельдмаршала, а я остался в сенях той избы, где он покоился. Нимало не медля, он потребовал меня к себе, и вот что я видел и слышал в сию незабвенную для меня эпоху.

Старца сего я нашел сидящим на постели, но в сюртуке и в декорациях (орденские знаки.— *И. Ф.*) Вид его на тот раз был величественный, и чувство радости сверкало уже в очах его.

«Расскажи, друг мой,— сказал он мне.— Неужели воистину

Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорей, не томи сердце, оно дрожит».

Я донес ему подробно о всем вышесказанном, и когда рассказ мой был кончен, то вдруг сей маститый старец не заплакал, а захлипал и, обратясь к образу Спасителя, так рек: «Боже, создатель мой, наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена...»⁶⁷.

Эти страницы записок Болховского, чем дальше читаешь их, кажутся все более знакомыми. Историческая сцена, которую он вспоминает, действительно знакома нам по «Войне и миру». Толстой написал ее, основываясь на рассказе Болховского, которого назвал в «Войне и мире» Болховитиновым: в своих рукописях Толстой трижды назвал его даже прямо Болховским (точнее — Болговским, как нередко писалось его имя)⁶⁸. Сохранился в рукописях «Войны и мира», которые теперь опубликованы, и план этой знаменитой сцены («Болховитинов от Дорохова. Кутузов по ночам не спит»)⁶⁹. Перечитаем эти страницы «Войны и мира» и сравним их с рассказом Болховского.

Толстой пишет сначала о том, как все французское войско вдруг повернуло на Новую Калужскую дорогу. Затем мы читаем: «Вечером 11 октября Сеславин приехал в Аристово к начальству с пойманном пленным французским гвардейцем. Пленный говорил, что войска, вошедшие нынче в Фоминское, составляли авангард всей большой армии, что Наполеон был тут же, что армия вся уже пятый день вышла из Москвы...»

...Решено было послать донесение в штаб.

Для этого избран толковый офицер, Болховитинов, который, кроме письменного донесения, должен был на словах рассказать все дело...

...Два раза переменяв лошадей и в полтора часа проскакав тридцать верст по грязной, вязкой дороге, Болховитинов во втором часу ночи был в Леташовке. Слезши у избы, на плетневом заборе которой была вывеска: «Главный штаб», и бросив лошадь, он вошел в темные сени.

— Дежурного генерала скорее! Очень важно! — проговорил он кому-то...

...Кутузов, как и все старые люди, мало сыпал по ночам. Он днем часто неожиданно задремывал; но ночью он, не раздеваясь, лежа на своей постели, большею частью не спал и думал.

Так он лежал и теперь на своей кровати, облокотив тяжелую, большую, изуродованную голову на пухлую руку, и думал, открытым одним глазом присматриваясь к темноте...

...погибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, единственное желание. В ночь 11 октября он лежал, облокотившись на руку, и думал об этом.

В соседней комнате зашевелилось и послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто там? Войдите, войди! Что новенького?— окликнул их фельдмаршал.

Пока лакей зажигал свечку, Толь рассказывал содержание известий.

— Кто привез?— спросил Кутузов с лицом, поразившим Толя, когда загорелась свеча, своею холодной строгостью.

— Не может быть сомнения, ваша светлость.

— Позови, позови его сюда!..

— Скажи, скажи, дружок,— сказал он Болховитину своим тихим, старческим голосом, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.— Подойди, подойди поближе. Какие ты привез мне весточки? А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так? А?

Болховитинов подробно доносил сначала все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорее, не томи душу,— перебил его Кутузов.

Болховитинов рассказал все и замолчал, ожидая приказа. Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то, но вдруг лицо его сщурилось, сморщилось; он, махнув рукой на Толя, повернулся в противную сторону, к красному углу избы, черневшему от образов.

— Господи, создатель мой! Внял ты молитве нашей...— дрожащим голосом сказал он, сложив руки.— Спасена Россия. Благодарю тебя, господи! — И он заплакал⁷⁰.

* * *

Толстой передал нам ночные мысли Кутузова и перенес на страницы «Войны и мира» его забываемые слова. Как же познакомился великий писатель с записками Болховского, сохранившего в своей памяти эту историческую сцену?

Известно, что, работая над «Войной и миром», Толстой пользовался сочинениями Михайловского-Данилевского, Тьера, Бернгарди и других историков. Изображая прибытие Болховского в Леташовку, предшествующее встрече его с Кутузовым, Толстой воспользовался воспоминаниями Щербинина, адъютанта Коновницына. Здесь нашел Толстой подробности для характеристики Коновницына и рассказ о единственной свече, облепленной тараканами, которую зажег в штабной избе Щербинин. Записки Щербинина оставались в пору работы Толстого неизданными, но ими пользовался в своем труде Бернгарди, откуда, как установлено исследователями, почерпнул эти детали Толстой.

Целый ряд исторических данных Толстой нашел в «Описании Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского. Существует составленный уже полвека назад перечень тех страниц «Войны и мира», где Толстой использовал эту книгу. В перечне этом

было кратко указано: «Кутузов получает известие о выступлении из Москвы французской армии»⁷¹. Но не было обращено внимание на то, что Михайловский-Данилевский воспользовался тут записками Болховского, которого Толстой сделал одним из героев «Войны и мира».

Из записок Болховского Толстой перенес в свою эпопею слова Кутузова, известные теперь миллионам читателей. Болховской сохранил для потомства эти исторические слова и образ Кутузова — его слезы и радость в минуту, когда он узнал о бегстве Наполеона из Москвы и отступлении «великой армии».

1961.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, ф. 244, оп. 1, № 831.

² См.: «Русская старина», апрель, стр. 87—110.

³ Переданный Н. С. Алексееву беловой список отрывка датирован Пушкиным 2 августа 1822 года. См. П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах. АН СССР, т. XI, стр. 14—17.

⁴ «Библиографические записки», 1859, № 5, стр. 130.

⁵ См.: «Русская старина», 1880, декабрь, стр. 1043 и след.

⁶ Слова, зачеркнутые Пушкиным, заключены в приводимом тексте в прямые скобки; неразобранные слова и части слов обозначены пометкой «нрзбр».

⁷ Счет абзацев указываем общий для всего печатного белового отрывка (а не по страницам его). Указанный абзац см: П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. XI, стр. 15—16.

⁸ Против этих двух последних строк Пушкин поставил на полях знак, показывающий, что они должны быть использованы ниже.

⁹ П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. XI, стр. 16.

¹⁰ В. О. К л ю ч е в с к и й. Курс русской истории, ч. V, П., 1921, стр. 94.

¹¹ П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. XI, стр. 16.

¹² Позднее «Кандид» дважды переиздавался в царствование Екатерины II. См.: Д. Д. Я з ы к о в. Вольтер в русской литературе. М., 1902, стр. 6 и 14.

¹³ «Белый бык» вышел впервые в русском переводе в 1779 году, как вспоминал в свое время М. А. Дмитриев. См. его «Мелочи из запаса моей памяти». Изд. 2-е. М., 1869, стр. 48.

¹⁴ А. С. П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. X. М., Изд-во АН СССР, стр. 784 (оригинал на французском языке).

¹⁵ В. А. С о л л о г у б. Пушкин в его сочинениях. Сб. «Русские писатели XIX века о Пушкине». Л., «Художественная литература», 1938, стр. 146.

¹⁶ П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. VI. АН СССР, 1937, «Евгений Онегин». Редактор тома — В. В. Томашевский.

¹⁷ В ломаных скобках обозначен пропуск слова, неудобного в печати.

¹⁸ «Сын Отечества», 1828, часть 116, № 7.

¹⁹ П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. XIII, стр. 155.

²⁰ Там же, стр. 141.

²¹ Там же, стр. 150.

²² Там же, стр. 148, 149.

- ²³ Г р и б о е д о в. Полное собрание сочинений под ред. Н. К. Пиксанова, т. III, Изд. Академии наук, 1917, стр. 168.
- ²⁴ «Мечтательные» строфы вперевивку с политической сатирой были привычными для читателей «Чайльд Гарольда».
- ²⁵ П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. XIII, стр. 155.
- ²⁶ В. К ю х е л ь б е к е р. Дневник. Л., изд. «Прибой», 1929, стр. 25—26.
- ²⁷ В библиотеке Пушкина сохранилось английское издание книги «Разговоры Байрона». Приводимая цитата дана по русскому переводу, который вышел под названием «Записки о лорде Байроне», ч. II, СПб, тип. Греча, 1835, стр. 14.
- ²⁸ «Мемозина», 1824, ч. II. Напомню, что об этой статье Кюхельбекера Пушкин писал в предисловии к первой главе «Онегина» и в стихах четвертой главы романа: «Но тише! слышишь? Критик строгий» (См. Ю. Т ы н я н о в. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 202, 219, 220).
- ²⁹ См. Г е й н е. «Романтическая школа», книга II. Полное собрание сочинений в 12 томах, т. VII. М.—Л., 1936, Изд. «Academia», стр. 213—216.
- ³⁰ А. С. П у ш к и н. Собрание сочинений в 9 томах, т. IX, «Academia», 1937, стр. 62.
- ³¹ Там же.
- ³² В. Ж и р м у н с к и й. Гете в русской литературе. Л., Гослитиздат, 1937, стр. 149.
- ³³ «Полярная звезда», 1825, стр. 14.
- ³⁴ Гете «Фауст». Перевод В. Брюсова, редакция и комментарии А. Луначарского и А. Габричевского. М.—Л., Государственное издательство, 1928, стр. 304.
- ³⁵ Не к Пушкину, а, скажем, к Шаликову, — о котором говорится в одном из вариантов «Разговора», — заговорившему пушкинскими стихами.
- ³⁶ «Московский вестник», 1828, ч. VII, № 4.
- ³⁷ А. С. П у ш к и н. Собрание сочинений в 9 томах, т. IX, М., изд. «Academia», 1937, стр. 62.
- ³⁸ Посылая этот набросок, Пушкин писал: «брат, вот тебе картинка для Онегина — найди искусный и быстрый карандаш». Рисунок был выполнен Нотбеком и гравирован Гейтманом.
- ³⁹ Кюхельбекер вспоминал эти слова Шаховского о Фонвизине в своем дневнике (стр. 138).
- ⁴⁰ Дневник, запись от 17 февраля 1832 г., стр. 42.
- ⁴¹ «Сын Отечества», 1839, т. VII, отдел IV, стр. 16.
- ⁴² П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. XII, Изд. Академии наук, стр. 129.
- ⁴³ «Интернациональная литература», 1940, № 1, стр. 104.
- ⁴⁴ Энциклопедический словарь Гранат, статья «Парини».
- ⁴⁵ «Литературная энциклопедия», статья «Парини».
- ⁴⁶ См. «Дневник», стр. 128—129.
- ⁴⁷ П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах., т. XIII, стр. 149.
- ⁴⁸ Б. М е й л а х. Пушкин и русский романтизм. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 116—117.
- ⁴⁹ Строфа, об этом говорящая, была впервые напечатана П. О. Морозовым в вышедшем под его редакцией семитомном собрании сочинений Пушкина, т. IV, СПб, «Просвещение», стр. 317.

⁵⁰ Запись в дневнике от 11 ноября 1853 года (Л. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 46. Юбилейное издание. М., 1937, стр. 187—188).

⁵¹ Позднее, говоря об «Онегине», Толстой чрезвычайно высоко оценивал его в отношении разработки психологии действующих лиц, указывает Н. Н. Гусев в работе «Толстой о Пушкине».

⁵² П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 16 томах, т. XIII, стр. 88.

⁵³ Так написана была уничтоженная первоначальная восьмая глава «Онегина», из которой Пушкин напечатал только строфы, образовавшие странствие Онегина, и зашифрованная Пушкиным, может быть, написанная только частично десятая глава «Онегина».

⁵⁴ Это письмо Катенина опубликовано П. А. Поповым в его работе «Новые факты жизни и творчества А. С. Пушкина», напечатанной в «Литературной критике», 1940, № 7—8.

⁵⁵ Значение этого варианта выяснено Ю. Н. Тыняновым в статье «Пушкин и Кюхельбекер» («Литературное наследство», № 16—18).

⁵⁶ Смысл этого противопоставления также выяснен в работах Ю. Н. Тынянова (см. его исследования: «Архаисты и Пушкин», «Пушкин и Кюхельбекер»).

⁵⁷ См. Б. В. Нейман. Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев, 1914, стр. 129.

⁵⁸ «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. VI, М., издание «Русского архива», 1892, стр. 10.

⁵⁹ «Московский вестник», 1828, ч. VIII, № 5.

⁶⁰ Письмо Мериме Соболевскому от 31.VIII.1849 г. А. К. Виноградов в Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, стр. 101.

⁶¹ М е р и м е. Александр Пушкин. Перевод А. К. Виноградова. М., изд. Журнально-газетного объединения, 1936; стр. 10—11.

⁶² В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 55, стр. 24.

⁶³ Н. В. Г о г о л ь. Собрание сочинений в 14 томах. АН СССР, т. VI, кн. 1, стр. 890.

⁶⁴ См.: П. В. А н н е н к о в. «Литературные воспоминания». Государственное издательство художественной литературы. 1960, стр. 87.

⁶⁵ Сочинения Н. В. Гоголя. Издание десятое. Под редакцией Н. Тихоновова, т. III, 1889, стр. 270—276.

⁶⁶ А. С. П у ш к и н. Полное собрание сочинений в 10 томах. АН СССР, 1949, т. VIII, стр. 53.

⁶⁷ См.: «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, вып. 1, Вильно, 1900, стр. 226—243.

⁶⁸ См. Л е в Т о л с т о й. Полное собрание сочинений в 90 томах, т. XV, М., 1955, стр. 79, 82—83.

⁶⁹ Там же, стр. 76 и 79.

⁷⁰ «Война и мир», т. IV, ч. 2., гл. XV, XVI, XVII.

⁷¹ Сб. «Война и мир», издательство «Задруга», 1912, стр. 118.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Упущенный черновик Пушкина	3
Работа над «Онегиным»	8
История одной рукописи	35
Страница «Войны и мира»	40
Примечания	45

Илья Львович ФЕЙНБЕРГ

Упущенный черновик Пушкина

Редактор В. П. Енишерлов.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 26.XI. 80. Подписано к печати 05.02.81. А 00328.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,83. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 214. Зак. № 3413. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ГОССТРАХ

Папы и мамы, бабушки и дедушки, другие близкие родственники ребенка могут заключить договоры страхования детей. Обусловленная договором страховая сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке по окончании срока страхования—при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

Застраховать ребенка можно со дня его рождения. К моменту оформления договора страхования возраст ребенка не может превышать 15 лет 6 месяцев. Размер страховой суммы по одному договору (300, 500 или 1000 рублей) устанавливается по желанию лица, заключающего договор.

Размер взносов зависит от страховой суммы, возраста ребенка и продолжительности их уплаты. Страховые взносы можно уплатить также одновременно за весь срок страхования по льготному тарифу.

Уважаемые товарищи!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите получить более подробные справки, а также заключить договор страхования, обратитесь, пожалуйста, к страховому агенту, обслуживающему Вас по месту работы или в инспекцию Госстраха.

Госстрах РСФСР

